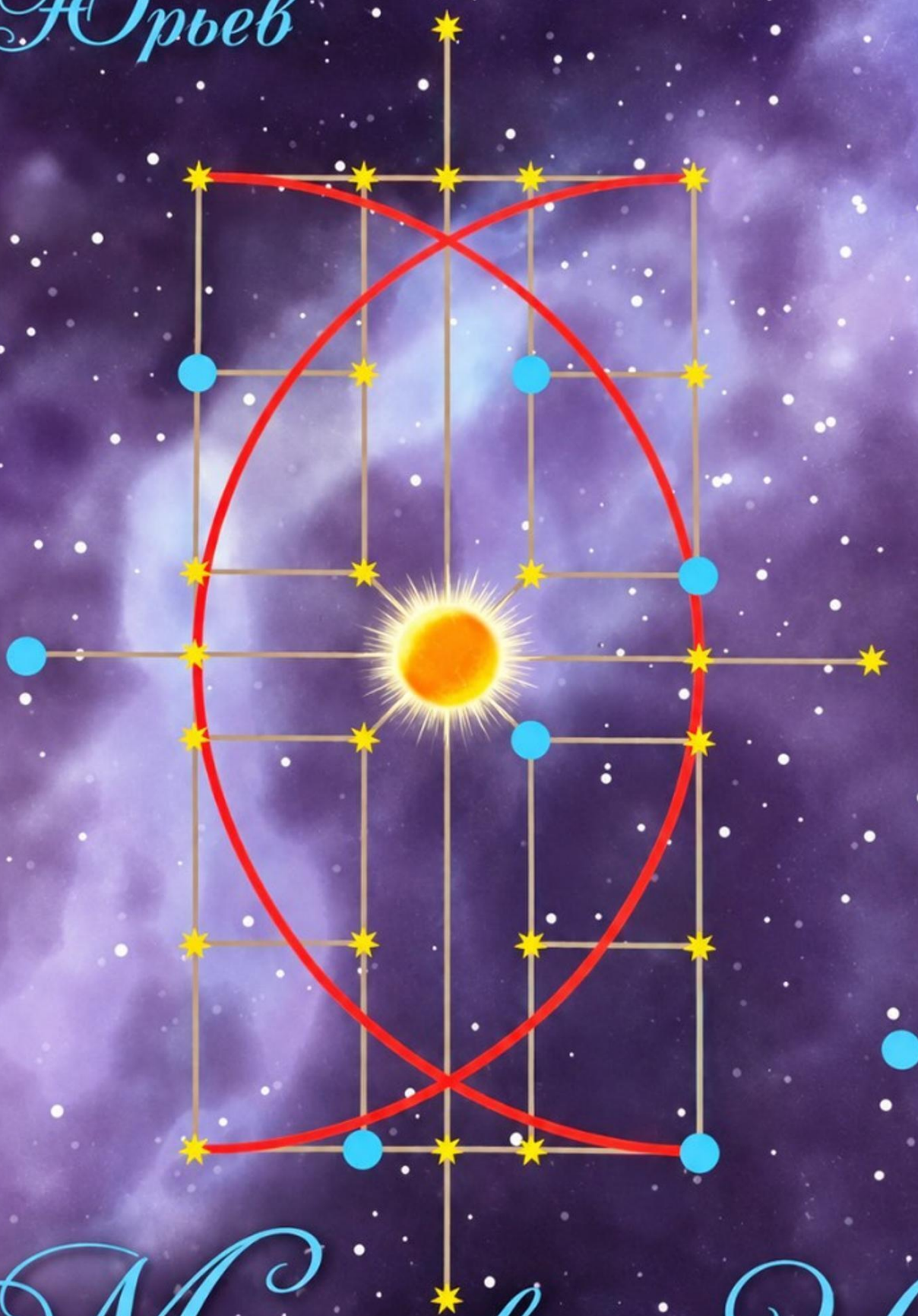

Юрьев

Мартовские Иды
Записки натуралиста

ОПУС №2

Евгений Юрьев

**Мартовские Иды.
Записки натуралиста**

«Автор»

2026

Юрьев Е.

Мартовские Иды. Записки натуралиста / Е. Юрьев — «Автор»,
2026

«Мартовские Иды» — сатирическая фантастика, философская притча и игра со словом. Молодой мечтатель Март стремится к богатству, признанию и любви. Встреча с Идой ставит перед ним вопрос: какова цена исполнения желаний? Гротеск, юмор, афористические размышления и образы природы сопровождают разговор о свободе выбора и ответственности за собственную жизнь. Автор экспериментирует со звучанием, ритмом и многозначностью слов, приглашая читателя замечать скрытые смыслы и участвовать в их раскрытии.

© Юрьев Е., 2026

© Автор, 2026

Евгений Юрьев

Мартовские Иды. Записки натуралиста

*«Каждый человек, абсолютно каждый –
это целый Мир, отдельная Галактика,
где он – Бог и Дьявол, судия и жертва.»*

ЭжендеРювье

*Eritis sicut Deus, scientes bonum
et malum ... – fieri potest.*

МартовскиеИды

(записки натуралиста)

5

PRIMA

*...Просыпаюсь, а я на сцене – весь в Габбанах, такой долбанутистый, в стразах-алмазах!
Оно там всё сверкает- переливается-играется, а ты рот только открываешь и проходочкой,
как в море лодочкой – звездун!*

*Или этот, как его - космонавт! вперёд – к Астрадам!., хотя, что я там забыл, да и нет
там никого. Тук-тук, а в ответ тишина – все ушли на ...другую планету.*

Миллионер! нет, сегодня – Миллиардер и всё-всё- всё у тебя! и много... карманов не хватает - на тачку пакуешь, что б рядом и грело, и так много, что слышно как зависть у соседей капает, часики тикают, она капает... нехорошие ассоциации, пока - не моё, не сегодня.

Или Матадор! Красавец, весь блестящий, в овалках - букетах, на арене над поверженным Минотавром! Можно первопроходец – Амундсен. Отставить,там холодно и весьма, нельзя было пионерить в ананасных широтах? Маугли, например... нет, неудачно, не из той оперетты...

Колумб! во-о-от, схожу с галеры, пардон - каравеллы и открываю! Здесь, да-да – именно здесь и сегодня будет Америка! Куча фото и прочей мото-лото дребедени, газеты - кино - история! Я и Клио! Вписан - выбит - отлит. На уроках учат. Всенародная слава, любовь, неа-международная – междунужная! Такая блондо-брюно-золотая, вся такая Афродито-Венеристая, с формами - эфирная, аж зефирная!

Бо-о-же, как я это поклонение люблю, просто обожаю!!!

6

- Опять летаем, снова в облаках, хотя мне эта тема: блондо-брюно-золотая о-очень понравилась, самое время её воплотить, в эту жизнь... Па-а-адём! – ну и ты, мечтатель, вставай. Все на, кстати, а где –«на» ... где объект?!. Как - нет никого? Как приснилось? Дай глянуть, я тебе не верю. Действительно, никого. А там? – тоже никого? Может в другой... комнате-ванне-кухне, идём, посмотрим, такая красота даром не снится, тем более сегодня –мартовская пятница 15-го, вещей, так сказать сон... в руку, вернее в эту... да, в эту жизнь, почему –там есть, а здесь –нет? Короче, кто-то должен быть, ты плохо ищешь, а за дверью смотрел? а на балконе? Может на площадке стоит перед дверью, стесняется позвонить. Ну и что, что рано, женщины они такие, непредсказуемые, я знаю. Твои не такие? такие-такие, все они... с фантазией, идём глянем, я что – в боевой, «смирна» и даром?!. Странно, никого. Вот говорил же, сколько раз – заведи постоянную, очень удобно, всегда рядом, и эта и та. Тебе - для души, ну и мне что-то перепадёт, а то живём от прихода до прилёта кого-

нибудь, чего-нибудь... Эта нерегулярная в основном для меня вопросе жизнь поднадоела! Хочу стабильности и много, это моё природное право, желаю, чтобы всех!

– А под кроватью не искал? под ковром? за стулом? Э-эх, не умеешь ты находить... приключений на нашу радость...

Ах, какой волшебный сон, какие... перспективы открывались... Такой воспрянутый и... никого. Уйду я от тебя. Или решай вопрос... хоть как-нибудь или - уйду.

Эти дивные, мечтательные сны... Кто в молодости не облучался ихними флюидами так, что даже днём приятные волны сонной памяти порой ласкали изнутри, уводя сознание от глупой действительности туда – в личный сказочный мир ... Наш негерой их обожал, он жил ими - мечтами, жил всегда, во сне и наяву. Краткая справка: имя негероя - Март, возраст – ранний, как и это солнечное утро в его жизни. Впрочем, по порядку, итак, поехали...

Заштатный город N, хоть и располагался рядом с широкой водной гладью, умывался редко, так что всегда был припудрен вездесущей мусорной пылью. Жил по классике: стригся-лечился, в перерывах посещал новоявленные рюмочные, после которых иногда возникала потребность в адвокатах и нотариусах, короче – парикмахерские, аптеки, бары и законники окружали жителей со всех сторон своим вниманием, так что приходилось дружить. А что делать, других развлечений не было. С весны и по осень в нём всевластно хозяйничало Светило, выжигая своим ультрафиолетом всё, что не спряталось. В эту, почти раздетую телом пору, город пропитывался запахом жара железных крыш, маслораской и всегда жареным беляшом. Этот букет, это несравненное амбре стояло, нет, оно плотно висело в воздухе, через него нужно было пробираться, ибо летом ветро-веер отсутствовал без объяснений и причин. А поздней осенью Солнце убывало куда-то по своим светильным делам, оставляя для горожан лишь своё эхо-отражение и наступал сопливо-серый антракт в природе, длящийся до весны, он сопровождался злым, порывистым сквозняком, да так, что даже в редкие температурные плюсы взбалтывал организм весьма энергично – насморки, кашель и прочая медицина

присутствовали в этот период постоянно. Расхлябанные воздушные массы пахли свежерытой влажной землёй с начинкой из жухло-прелой травы, мелькали грибные тона, шуршали упавшие и давно незелёные листья, и всё настроение было в туманно-жёлтой хризантемной печали.

Город N удивлял каким-то свойским, соседским видом, даже с учётом постоянно меняющих его квартирантов. Вроде и большой размерно, а все друг друга знают, если не лично, то через знакомых точно. Какой-то карманный город, где всё узнаваемо до икоты памяти.

Случалась местами старина давняя, к примеру – рабочие водоканала, которые в свободное своё время подрабатывали археологами... или наоборот, неважно, рытьё всегда было любимым занятием горожан. Так вот, нашли они как-то ядро чугунное, воевательное, правда тут же сдали его в ближайший металлопункт – чего добру пропадать. Ещё знали, что есть катакомбы – предки рыли для чего-то или под кого-то (вот откуда пошла традиция!), но после случая с ядром все подземные входы и выходы были запломбированы бетоном. Пусть хоть пещерное прошлое сохранится, так решили отцы города, с матерями.

Да, ещё помнили, что искусства были. Но однажды все музы попали в городе под коллективизацию, получили общее название «культура», что новаторы посчитали ёмко и удобно. Музами в «культуре» пользовались иногда - у горожан все силы уходили на работу и быт, так что промежутки между ними бывали редко. «Новое время» апатично встретило очередных, примкнувших к официальной культуре медузоподобных, вяловых граждан, отношение к оной имевшие лишь циркулярное и получившие её - культуру в своё личное пользование, конечно же за службу ранее - «были любезны». На их новом подарочном поприще сейчас всё как положено - тихо, тепло и мухи не залетают, хотя последнее странно, должны наведываться. Культурное сегодня проходит просто - выводятся с серьёзной миной параллелепипеды треугольного содержания, от и до по времени и пустых по сути.

Теперь культура в городе бетонно утвердилась, стала вся такая служебная, лишь иногда раскрывала удивлённо свои глаза на выставки - вернисажи молодых и не очень, но это так, эпизодически, чтоб через время вновь вернуться в свою невозмутимость изображения деятельности. Город и музы спали уже заслужено, отдыхали в тёплой тишине уже своей «культурки»...

И везде был ранний по времени, но уже некий провинциальный ветхий налёт. Нет, не тот, что у папирусных пирамид с лунными минаретами, а другой, навеянный пыльной паутиной скукой, с её обыденной, баюканной телом тыщу раз дрёмой. Город, случайно оказавшись на пути Цивилизации, был лишь обрызган её новациями – местами забегали рельсово электродвижи, деренча железом и звонками, да брусчатка почти вся укрылась асфальтиной. Но эти нововесания тут же приняли какой-то затрапезный и неряшливый вид, пообносились и ямочно сникли. А Прогрессорша убежала дальше, даже не попрощавшись с городом, который остался, сам не зная зачем. И это «зачем» так и застыло, отпечатавшись в зданиях, улицах, сознании. Без жизни, без пульса, без веселья – одна бытовуха, беспросветная и пустая действием. Город сегодня дрых как-то по-стариковски, спал уже всегда – днём, ночью, даже в назначенные праздники...

Хотя старожилы помнили, что да, кипела и варилась жизнь действием. Дышалось так полной грудью, что знали город планетно ибо было как и чем греметь. Сейчас нет той груди, да и воздух уже не тот. Пришли другие времена и прошла жизнь у города N, сегодня он как тот аварийный, что всегда пребывает в своей овощной коме...

Но где-то там у самого сердца, эхом той памяти иногда звучит милый детский голосок:
«Топ, топ, топает малыш.

С мамой по дорожке – милый стриж!..

А в саду дорожка так длинна –

Прямо к небу тянется она...»

Вот в такой, раньше природной, а теперь в городской местности проживал наш негерой Март. Почему негерой? Да всё просто – прошли времена отдельных героев-личностей, нет, в мемуарах истории они отпечатаны на века, да кто ж их сегодня читает, мемуары эти. Так и проявилась порода негероев, возвращена кем и кому надо и всем сразу стало очень удобно – власти, которой весьма мила эта апатичная единица, всегда и всё «одобрям-с», а негерою его судьбиночка, никем и ничем не трогательная (тише едешь – где-то будешь). Так они и существовали, вроде рядом, но весьма далеко и телом, и чем-то там ещё внутри его.

Проживал Март в обычной «коробке-сталинке», без претензий на архитектуру, на втором, верхнем этаже. Вид из окон был на обе стороны – на высоченный заводской забор и в общий двор, окруженный квадрато-подобными коробками для жилья. Жизнь протекала покойно и малозвучно, почему-то люди малого возраста в таких дворах не водились, но облезлые качельки и песочницы для детских куличиков были, были и деревья – осеннее листовое наказание дворников, да вечно поломанная судьбой сирень

кустовая. Еще пара-тройка железных гаражей и в центре двора обязательный деревянный стол, накрытый пластиком –

малая родина домино и карт днём, а ночью каких-то разнополых «заговорщиков»...

Каждый человек ведёт себя так, как ему позволяет окружение. Марту позволяли мало. Его родители были обычные интеллигенты, ушли из жизни почти одновременно, без болезней, так же, как и жили – тихо и незаметно.

... и после редких, но пустых, по его мнению свиданий, сдал он мать, нет, не в дом престарелых, поближе, хотя по сути гораздо дальше - в глубины своей памяти, в те места, куда заходил нечасто, в основном по звонку оттуда. Телефон - сигнал - голос и его память выкабкивалась из своего - его далёка, узнавала - да, она, да слышу, что-когда-буду. Встречи проходили натянуто и малоразговорно, мать боялась сказать сыну лишнего, не злить его, а он, только придя, уже был где-то, хотя телом ещё здесь, у неё. Телу не могло быть, оно ходило, не находя себе места, тоскливо ждало окончания свидания, чтоб стартовать в своё беспорядочное броуновское движение - тело не любило покоя...И вот наступал последний для неё миг расставания, она покорно подставляла свою голову для прощального поцелуя - был у них такой ритуал, мама была меньше его ростом и просто слегка нагибала шею, а сын целовал её голову и жидкие, крашеные хной волосы, пахнувшие, таким родным запахом и безжал - до встречи, звони - в свои вечные дела. Как часто, потом уже, он вспоминал этот краткий и вскользь поцелуй для мамы...а мама всегда помнила его первый детский запах - его пахнувшую молоком кожу и теперь, когда он держал её руку своими руками, родное тепло мягкой волной обволакивало её сердце...главное не злить его, пусть молча - зато рядом, хоть немного...

Март даже не успел осознать происшедшее, как остался совсем один, сознание его так удивилось внезапной «свободе», что очнулся, лишь когда закончились мелкие семейные накопления, да продано то, что ещё покупалось соседями. С работой также не заладилось, опыта и знаний что были, не хватало даже на «испытательный» срок. Резко стал вопрос – чем жить?! Вот тут-то и пригодилось знание английского языка (спасибо родителям, знал его в совершенстве, даже с каким-то кембриджским акцентом), ставшего вдруг очень востребованным – «подтягивал» мажоров и мажориц, глядя на которых, разговаривая с ними, понимал, что хозяин положения сегодня «деньги-связи, кореша – все пореша», которые улаживают любые вопросы. Запомнил. Еду всегда покупал в маркете – жалел время на готовку, посуду брал разовую, так что свободного времени было много (репетиторство занимало от силы 2 часа в день). И Март предавался любимому – нет, не машинки разных размеров собирал, не магнетики на холодильник, наш Март обожал мечтать! Он в детстве не фантазировал так, как сейчас. Тогда это было неосознанно, так, капризы. Сегодня это было его всё, мечталось всегда легко и приятно, главное, что без ограничений, какие были желанные видения, всех цветов радуги, какие миражи...

Но жесткий реал не давал воспарить, сразу приземлял. Находясь по сути, почти на дне социума, он с удивлением наблюдал за явлениями жизни и пришел к выводу, что есть два разных города, один который уже «утонул», а другой «плавает», у него были свои законы, не общие. Нет, иногда верхние, дрейфующие которые, посещали «дно», но только в виде экскурсии или по делу, к Марту например. Что ж, не всем же плавать поверху, кому-то и «на дне» жить надо, Сатин с Лукой не очень переживали когда-то...

Итак, поехали – весна, начало природного года, мартовские иды, воскресение нового дня – утро...

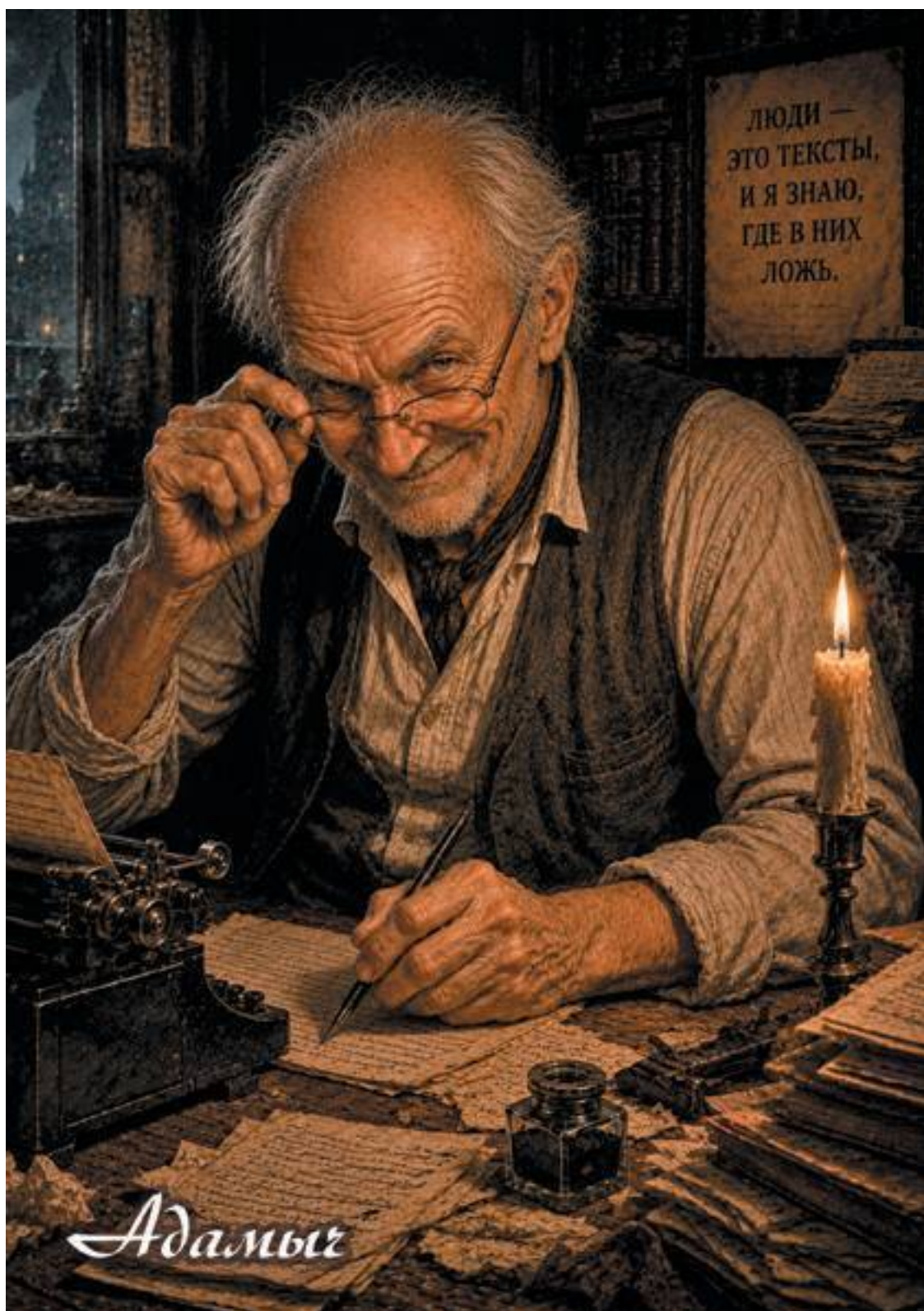
...утро, но уже другого негероя, соседа Марта по дому – Адамыча-пенсионера, который тихо, никому не мешая, пописывал себе различную беллетристику, настоящую на собственных мемуарных дрожжах. С лёгкой головой он писал сказки, а с «тяжёлой», похмельной – притчи, организм физически не мог многословить. Выходили сказочные притчи и притчанные сказки...

Человеку скучно, его жизнь бедна событиями, а сектор видения мира лишь градус, который он тут же, от нечего, превращает в «весёлый градус» и сразу жизнь уносится в эфемерность веселья, где всё просто, все друзья, нет проблем и непреходящее счастье!.. преходящее, но не приводящее в сознание, так, что-то среднее между загульным вчера и неясным сегодня – да, это утреннее похмелье. Накануне у Адамыча была встреча со старинным другом, где вспоминали те молодецкие вечера, которые были гораздо лучше этих. На свидание живо откликнулась компания «весёлой» текущей влаги, да так, что сегодня голова, ударенная вчерашним об

подушку, мято деформировалась, приобрела множество параллельных паркету морщин, она была свинцово неповоротлива, лишь стеклянные глаза, плавно скользя, обыскивали знакомое по привычке, ничему не удивляясь, пропитанный похмельем сонный якорь не пускал тело в это тихое солнечное утро.

«Адамычу некстати подумалось: – „А почему это женские имена заканчиваются на -да, -на? Опять же эти припевы: на-на-на... чего раздают? Какая-то провокация... “»

Воздух в...– а вот его как раз и не было, в комнате

плотно висела перегарная вонь, венец-пипец, корона эволюции, отвалился и закатился под стол, на котором любит своей наглостью смятый окурок в недоеденной тарелке, череп охватно держит обруч калёный... организм распух от вчера принятого и сегодня невыплеснутого, яд зелёного змия всплывает отрыжно нехорошо, сознание набито пустой ватой в свинцовых комьях неясности уже прошедшей общей вчерашней «картины»...

Сон медленно вытекает из тебя, затопляя, затупляя этот кроватный остров, тело неудобно валяется... мраковина у сердца, уже вместо него и эта звенящая пустотой головушка, кисло прокуренная на входе – выходе из себя, да жадный глот жидкости с невнятным вкусом, что громким клёкотом растекается утробно и ненасытно быстро... Контраст обрывков памяти жесткачит от тогда до сейчас, проклинаешь всё и вся с одним протяжным словом в голове – «зачем?!»...зачем-то поселилось в ней, вчерашнее осколочно и вопросно – «да как так-то?!», всё дыряво - паутинно... – А жить как хочется!.. – а нечем... а надо. Адамыч медленно, нехотя поплёлся на кухню исполнить свой обычный утренний ритуал – пить чай, крепкий и горячий, без сахара, но с лимоном...

– Тинь-тинь... может спит ещё... да тихо я - тинь... тинь... сколько можно, я ведь уже того - проснулась. Та-ак хочется заколоратурировать - эдакое славное утрецо, распеться для начала: тинь-тинь, тихо... а нет - гребёт, - ёт, ёт...- Здрасьте вам - почему спим так долго? Может я здесь того, с голодухи померла али как верблюд пустынныйвысохла, а оне - спят-с... Ни стыда, ни этой - совести. А как же это - мы в ответе, кого приручили?! А

SECUNDA

в ответ –тишина... Давай чаёвничай быстрее, да к себе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.